

бугорка. Въ бинокль отлично было видно какъ вѣтерокъ колыхаетъ длинную блестящую шерсть медвѣдя; кругомъ тихо, спокойно; могучіе пернатые хищники зачуяли добычу и кружатъ на фонѣ неба; нашъ бивуакъ словно замеръ: вниманіе всѣхъ приковано къ медвѣдю и охотнику. Раздался выстрѣлъ, медвѣдь сердито зарычалъ, и тяжело приподнялся на ноги; глухо щелкнула вторая пуля — звѣрь грузно свалился на земь. Не мѣняя положенія я взглянулъ въ бинокль: медвѣдь лежалъ не шевелясь. Встаю и направляюсь къ обрыву, находившемуся отъ меня шагахъ въ двухстахъ, поодаль отъ медвѣдя, чтобы оттуда взглянуть по сторонамъ. Тѣмъ временемъ двое препараторовъ казаковъ уже покинули бивуакъ и шли къ медвѣдю. Подойдя къ обрыву, я отъ усталости невольно тяжело вздохнулъ, медвѣдь вскочилъ, словно ужаленный, потрясъ своей мохнатой головой и съ страшной стремительностью направился ко мнѣ, неистово рыча и фыркая. Подпустивъ разъяреннаго медвѣдя шаговъ до десяти, я выстрѣломъ въ грудь свалилъ его; звѣрь кубаремъ черезъ голову свалился внизъ. Послѣдній рѣшающій моментъ, когда озлобленный мишка неся съ окровавленной пастью, на-долго запечатлѣлся въ моей памяти; въ немъ, въ этомъ моментѣ, и заключалось то особенное чувство, которое такъ дорого и привлекательно охотнику...

Въ долину Сэрг-чю мой юный спутникъ Мадаевъ, какъ препараторъ, а можетъ быть и будущій коллекторъ, искалъ среди этихъ звѣрей наиболѣе интереснаго — бѣлясаго; съ такимъ расчетомъ онъ обошелъ большой участокъ, видѣлъ нѣсколько темныхъ звѣрей, а свѣтлый все не попадался. Уставъ бродить, забайкалецъ рѣшилъ идти домой, на бивуакъ, такъ какъ солнце уже склонилось къ горизонту. Покуривая неизмѣнную трубочку, Мадаевъ неожиданно для себя замѣтилъ наконецъ бѣлясаго медвѣдя и осторожно изъ-за бугорка сталъ подползать къ нему. Звѣрь ничего не подозрѣвая и не замѣчая, въ свою очередь, также подходилъ къ нашему охотнику ближе и ближе. „Забавно, говорилъ Мадаевъ, было смотрѣть на медвѣдя, какъ онъ словно парнишка рылъ мышей, а онъ все отъ него уходили; я долго наблюдалъ и сердился на медвѣдя, который такъ и не поймалъ ни одной мыши.“ Совершенно забывъ, что это звѣрь и его надо стрѣлять, нашъ Мадаевъ опомнился тогда лишь, когда медвѣдь ушелъ далеко въ сторону. Охотникъ рѣшилъ направиться къ нему въ серьезъ, но на сей разъ звѣрь, замѣтивъ челоуѣка, пустился на уходъ и только случайнымъ выстрѣломъ Мадаевъ убилъ медвѣдя на повалъ, иначе ограничился бы одними наблюденіями.